

Часть первая

«Существуют три типа снайперов. Снайпер-диверсант действует зачастую вдали от основной массы войск, скрытно выводя из строя важные цели. Фронтовой снайпер, или снайпер-тактик, действует в составе взвода или батальона. Его задача — сеять панику в рядах противника во время боя, уничтожать отдельных солдат, офицеров и ценное оборудование. А кроме того...»

Он помедлил, сигара зашипела, когда он сунул ее в чашку с кофе, чтобы не обжечь пальцы.

«...кроме того, есть снайперы, которые лишь изредка производят выстрел. Они находятся в тылу врага в ожидании приказа устранить конкретную цель. Я называю их стратегическими снайперами...»

1. Рим, Италия

5:12 утра, Специя, Италия. Сев в поезд, он прикрыл лицо капюшоном и задремал, убаюканный вагонной тряской. 6:22, Пиза Централе. Он не сядет в маршрутный автобус до Пьяцца дель Мирколи. Не станет глазеть на Падающую башню и представлять, как Галилей бросал с нее шары, наблюдая за падением тел. Не будет демонстрировать творческую жилку, изображая на камеру, что подпирает башню плечом.

Перед выходом из поезда он зашел в туалет, засунул в мусорное ведро ярко-желтую футболку с капюшоном и переоделся в красную спортивную куртку. Перейдя на другую платформу, сел в поезд на 6:29 до Флоренции, нашел свободное место и снова заснул.

Самые ранние поезда редко опаздывают. 7:29 — прибытие во Флоренцию, на вокзал Санта-Мария-Новелла. По пути в вагон набилась масса народу, но большинство пассажиров, выйдя с вокзала, направились на юго-восток на поиски роскошного купола, созданного по проекту Брунеллески для собора Санта-Мария-дель-Фьоре, где им предстояло, пыхтя и отдуваясь, пересчитать ногами четыреста шестьдесят одну узкую ступеньку, чтобы потом гордо пялиться вниз на открытый всем ветрам древний город.

План был таков: перейти на другую платформу и сесть в электричку на Рим, отходящую в 8:08. Он изменил этот план, зайдя в вокзальный туалет,

чтобы переодеться в короткое черное пальто. Собравшись было спрятать куртку за бачком унитаза, вспомнил, что видел лежащего возле туалета старика.

А может, это вовсе не старик — просто седой человек, который лежал, свернувшись калачиком и уткнув голову в руки, в углу у входа в туалет. Он осторожно прикрыл плечи спящего красной курткой.

С вокзала он направился к автобусной остановке: в 8:02 был рейс до Перуджи. Автобус останавливается во всех маленьких городках, но времени еще предостаточно. Правда, он допустил промашку: нужно было остаться в куртке с капюшоном. Пальто выглядит слишком официальным для туристического маршрута.

Но уже ничего не поделаешь. Он извлек из чемодана рюкзак и затолкал чемодан за газетный киоск.

Автобус отошел вовремя. На остановке в Ареццо он купил кофе и круассан с шоколадом.

Итальянцы поистине обожают сладкое. Сущие муравьи.

10:54, Перуджа. Он поспешил на вокзал, чтобы успеть на поезд 11:05 в Рим; теперь не время вздыхать о местном фирменном блюде — тушеном кролике. На этот раз никакой смены одежды, только бейсболка «Нью-Йорк Янкис». Еще три часа можно поспать.

В поезде было тихо: четверо рюкзачников с шотландским акцентом; трое командированных, которым не терпелось вцепиться в ноутбуки; одинокая путешественница с Тайваня или из Гонконга. Он выбрал место в конце вагона и заснул.

Дело было не только в том он не спал прошлой ночью. Он просто не знал, когда удастся поспать в следующий раз.

В 14:01, с опозданием на пять минут, поезд прибыл в Рим, на Термини. Он вышел из вагона и влился в людской водоворот.

Покинув вокзал, он повернул на юг, прочь от толпы, направлявшейся к Пьяцца делла Република, к ряду примыкающих к кофейной стойке багажных камер. Отпер ключом шкафчик. Порядок: два полиэтиленовых пакета, заклеенных скотчем. Забрав пакеты, он направился в переулок напротив, где заглянул в алжирскую лавку, из которой вышел облаченный в темно-коричневую куртку-сафари с кожаными заплатками на локтях, волоча за собой чемодан на колесиках с логотипом, изображающим медведя.

У вокзала, как всегда, было полно беженцев и бродяг. Сверившись с адресом, он вскоре подошел к высокому, желтовато-серому от смога зданию и нажал кнопку пятого этажа. Раздалось жужжание, стеклянная дверь открылась.

Под одной крышей размещались три отеля: «Гонконг», «Шанхай» и на пятом этаже «Токио». Мужчина средних лет с пивным брюшком из отеля «Токио» без вопросов вручил ему ключ в обмен на тридцать евро.

Комната без претензий — кровать, стул, крошечный телевизор: смотреть его пришлось бы, уткнувшись носом в экран.

Старый, можно было даже сказать, старинный телефон зазвонил ровно без двадцати три. Он поднял трубку и услышал женский голос. Это его встревожило. Неужели она?

— Отель «Реле Фонтана ди Треви», — произнесла женщина.

— Где Айронхед?

Собеседница понизила голос, не обнаруживая никаких эмоций.

— Комната забронирована. Второй паспорт. — Связь оборвалась прежде, чем он успел переспросить.

Из нового чемодана он извлек продолговатую сумку и одежду. Сняв куртку-сафари и джинсы, швырнул их в чемодан и запахнул его под кровать. Затем переоделся в черные брюки, пальто и натянул черную шерстяную шапку и наушники. Закинув сумку за плечо, вышел из номера.

За стойкой регистрации никого не было; человек, встретивший его, теперь смотрел футбол в подсобке. Толкнув входную дверь, он спустился по захламленной лестнице. Очутившись на улице, извлек из рукавного кармана мультитул и разомкнул цепь, крепившую к перилам один из велосипедов. Затем прокатил велосипед на несколько шагов вперед, вскочил на сиденье и взял курс на запад.

Глухими переулками добравшись до станции метро «Барберини», он бросил велосипед и прибавил шагу, чтобы примкнуть к группе следующих за флажком японских туристов. У фонтана Треви, отстав от седовласых путешественников, сквозь шумную толпу пробился к одноименной гостинице на южной стороне площади.

Расплывшийся в улыбке клерк, проверив данные паспорта, вернул его вместе с ключом-карточкой.

— Только на одну ночь?

Он улыбнулся и кивнул.

— Из Кореи? Моя девушка умеет немного по-корейски.

Он улыбнулся и снова кивнул.

Служащий в отеле «Токио» увидел в нем ничем не примечательного азиата. Этот клерк — застенчивого корейца, плохо говорящего по-английски. Он спокойно проследовал к лифту и благополучно достиг номера 313.

Сто пятьдесят евро за убогую комнатку с окном, не спасающим от уличного шума.

Он надорвал первый пакет, извлеченный из багажного шкафчика. Оттуда выпал большой конверт из коричневой бумаги с двумя снимками: на одном вполоборота был запечатлен мужчина средних лет азиатской внешности; на другой — помеченный крестиком столик: очевидно, уличное кафе.

Во втором пакете — сотовый телефон весьма устаревшей модели: серебристая кнопочная «Нokia 7610». Он убрал телефон в карман.

Из адидасовской сумки он извлек оптический прицел, обмотанный из предосторожности нижним бельем, подошел к окну и осмотрел фонтан и окружающую площадь. Хотя стоял холод, было по-прежнему многолюдно, в поле зрения сновали взад и вперед смазанные силуэты.

Угораздило же их выбрать для задания самую популярную достопримечательность города! В фонтан в центре площади ежедневно улетает монет на три тысячи евро; в Сеть выкладывают десятки тысяч фотографий морского бога Океана и слабящихся туристов.

Он надел солнечные очки, переделся в свитер с высоким воротом и повесил на шею фотоаппарат.

Как говорил Айронхед: если не можешь изменить окружающую обстановку, сделайся ее частью.

Влившись в поток туристов, он заглянул в несколько сувенирных лавок, после чего обосновался в кафе. Заказал макиато, добавил в него по обычаю итальянцев пару ложечек сахара и надкусил — разумеется! — сицилийское канноли.

Перелистав роман Донато Карризи, который носил с собой, он взглянул на заложенную между страниц фотографию. Прямо за окном был тот самый круглый столик, помеченный крестиком.

Этот столик виден из гостиничного номера, расстояние метров сто двадцать пять. Здания, окружающие площадь, в большой степени оградят ее от ветра, и помех не предвидится. Только люди.

Но из любой ситуации есть выход. Реакция на испуг занимает в среднем четыре секунды. Ну хорошо, три, на всякий случай. Это означает, что у него будет три секунды, после того как случайный пешеход, попавший в прицельную линию, грянется оземь. Три секунды на второй выстрел — в объект.

Стало быть, одной пулей больше, но это не страшно. Он сфотографировал телефоном фонтан, стремясь остаться в памяти персонала кафе лишь мелкой точкой в монохромной смеси всех промелькнувших перед ними азиатских лиц.

Вечная проблема с канноли — крошки. Крошки оставляют жирные следы на страницах романа. Он как раз читал о смерти сиротки Билли, ребенка, некогда бестрепетно вынувшего из петли собственных родителей; Билли, самого счастливого

из шестнадцати воспитанников приюта, мальчика с вечной улыбкой на губах. Согласно свидетельству о смерти, Билли умер от менингита. Тем не менее, когда два десятилетия спустя полиция эксгумировала труп, обнаружилось, что в теле Билли не было ни одной целой кости. Его забили насмерть.

Улыбался ли Билли, умирая?

Он с неохотой отложил роман. Может быть, на обратном пути будет время дочитать. Нужно узнать, кто убил Билли. Этот вопрос, застывший комом в горле, не давал ему покоя.

И никаких больше канноли, пока не сделает дело.

2. Тайбэй, Тайвань

У¹, без пяти минут пенсионер, отложил в сторону палочки и расплатился. Возвращаться в офис пока не хотелось, и он, поймав такси, отправился по скоростной дороге через Шэнькэн в отделение полиции в Шидине, где его обещал ждать Чэнь Личжан.

Чэню было лет семьдесят, во рту недоставало нескольких зубов. За десять минут разъяснений он забрызгал У слюной.

Насколько сумел уяснить У, пропал житель деревни Ван Лушэн. Всякий раз, когда Чэнь заходил к нему, двое сыновей Вана говорили, что отец в больнице. В какой больнице? Это дела семейные, отвечали они, тебя не касается. И вот престарелый господин Чэнь проверил списки в Главном ветеранском госпитале Тайбэя, затем справился в Главном военном. Никаких следов Ван Лушэна. Обеспокоенный, он подал заявление об исчезновении.

Может быть, Ван лишился памяти и не смог найти дорогу к дому? Или его сбила машина и он остался лежать в каком-нибудь безымянном переулке?

Как бы то ни было, ни один из сыновей не соби­рался сообщать об исчезновении отца. Дело оставалось на усмотрение господина Чэня.

¹ Здесь и далее: все транскрипции представлены по общепринятой транскрипционной системе Палладия. — *Примеч. науч. ред.*